

Морской спецназ

Сергей Зверев
Логово чужих

«ЭКСМО»

2009

Зверев С. И.

Логово чужих / С. И. Зверев — «Эксмо», 2009 — (Морской спецназ)

Боевого пловца Сергея Павлова по прозвищу Полундра отправляют на Гаити. Но недолго нежиться ему под жарким солнцем. Полундру ждет смертельная схватка с террористами, которые посеяли панику на российском финансовом рынке, организовав вброс радиоактивных купюр. Под видом работников плавучей устричной фермы Сергей вместе с напарником из местных ведет наблюдение за логовом преступников. Однако террористы догадываются, что «эти двое» не те, за кого себя выдают, и напарник Полундры погибает. Теперь Полундра, выполняя задание государственной важности, еще и мстит за павшего товарища, и его ярость беспредельна...

© Зверев С. И., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

1	5
2	8
3	10
4.	13
5	16
6	20
7	23
8	25
9	29
10	32
11	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Зверев

Логово чужих

1

Малиновое солнце переваливалось за серый срез тучи. Ласковая волна играла всеми оттенками аквамарина. Белоснежные чайки пикировали и подхватывались у самой воды. Роскошная моторная яхта, оставляя за кормой ровный пенный след, уверенно подходила к причалу небольшого острова.

Стукнули сходни. Загорелый матрос белозубо улыбнулся рослому франтоватому мужчине явно латиноамериканского экстерьера. Сбив с пиджака несуществующую пылинку, пассажир ступил на мраморную лестницу.

В зыбкой ясности тропического утра прорисовывались контуры белокаменной виллы. Среди благородной зелени пальм краснели черепичные крыши. Пуленепробиваемые окна отбрасывали на причал веселые солнечные зайчики. Видеокамера наружного наблюдения повернулась на турели, словно крупнокалиберный пулемет, фиксируя гостя. По прошествии нескольких секунд металлическая дверь плавно отошла в сторону. Гость, едва кивнув охранникам, направился к бассейну.

Здесь все было, как всегда. Клумбы пестрели тропическими цветами. Газоны и кусты были аккуратно подстрижены. В пальмах неугомонно трещали попугаи. В тени нескольких палисандровых деревьев, оставшихся от прежней рощи, расхаживали павлины. Бассейны с драгоценной мозаикой манили живительной прохладой. С южной стороны виллы, где ограда почти полностью исчезала, открывался поистине живописный уголок: маленькая уютная бухта с пирсом и блистательной яхтой на приколе. Сказка, да и только! Впрочем, мужчина давно этой сказке не удивлялся. Истинное изумление не переставала вызывать головокружительность той игры, которую затеяла хозяйка виллы и в которую сумела вовлечь его.

Гость приблизился к центральному бассейну. В нем, будто проворный дельфин, плавала женщина. Любой незнакомец, видя ее в первый раз, рисковал ошибиться с определением возраста. На первый взгляд, ей было чуть больше тридцати. Лишь продолжительное знакомство помогало понять, что женщина успела разменять пятый десяток лет. Хотя для франтоватого латиноамериканца возраст его обожаемой ровесницы никакого значения не имел.

Франт поприветствовал хозяйку виллы улыбкой и уважительно поклонился. Продолжая шустро плавать, она небрежно бросила ему «хелло». Гость присел у бассейна на корточки и с той же улыбкой пристально смотрел на женщину. Он ожидал от нее каких-либо вопросов. В нетерпении латиноамериканец механически покручивал золотые перстни на пальцах. Его взгляд удивительным образом сочетал почтение и влюбленность. Госпожа этого или не замечала, или мастерски делала вид, что не замечает. Крепко сложенная, с волевым лицом и жестким взглядом, она одним лишь своим обликом вызывала благоговейный трепет. Латиноамериканец осознавал все ее величие и понимал, что для достижения цели она не остановится ни перед чем и пойдет даже по трупам.

Впрочем, неискушенному наблюдателю трудно было бы понять истинное положение вещей. Владелица сказочного дворца чувствовала себя вольнолюбивой пташкой, заточенной в золотую клетку. Причем заточиться довелось по собственной воле, спасаясь от злых призраков прошлой жизни. Кто-то вселил в нее уверенность, что здесь и только здесь, на Гаити, можно иметь настоящее убежище. Именно с этой целью она в свое время тайно покинула родину и поселилась на этом краешке земли. Женщина питала надежды полностью преобразиться, стать

для всех совершенно другой личностью. Имея огромное состояние, сделать это было весьма легко.

Тем не менее ничто и никто в этом бушующем мире не мог оградить хозяйку виллы от воспоминаний. Некая тоска неотступно следовала за ней, порождая навязчивые, иногда пугавшие ее саму, идеи. Бывало, что всеми мыслями она устремлялась на родину. Однако было бы большой ошибкой видеть во всем этом проявление ностальгии. Женщину по большому счету мало волновали образы русских берез и волжских разливов. Ее обуревала страсть совершенно иного свойства. Именно эта страсть в конце концов и подвигла женщину к крайне рискованной затее.

Подплыв к краю бассейна, госпожа спросила по-русски:

– Как наши дела, Эрнесто?

– Все в полном порядке. Дела продвигаются четко, как и было спланировано. Мы задействовали тот самый канал, о котором договорились в прошлый раз. Первая партия совсем скоро окажется в России и будет готова к применению, – отвечал гость. Он так же, как и женщина, говорил по-русски, однако с весьма заметным испанским акцентом.

– Отлично. Мы обязательно вытащим его оттуда, – сказала хозяйка таким тоном, будто провозглашала некую незыблемую истину.

– Вы думаете, что ваши бывшие соотечественники все-таки пойдут на его освобождение? – осмелился засомневаться Эрнесто.

– Соотечественники... – Женщина недобро усмехнулась. – Да у них же выбора никакого не будет! Тут ведь жуть, как она есть! Генеральная прокуратура должна на это отреагировать. Там ведь не сборище идиотов и не колхоз «Красный партизан». Там наверняка есть люди, которые смогут реально оценить опасность вероятных последствий всех этих адских танцев. А если же не смогут, то Кремль уж точно подскажет и направит на путь истинный. Речь ведь идет о колоссальных убытках, которые может понести государство в самом ближайшем будущем.

– Анна Сергеевна, а если они не клюнут на нашу приманку? Сами же говорите, что люди умные... – гость не переставал высказывать сомнения. – Разве мы можем быть на сто процентов уверены в том, что русские власти не захотят решить проблему с помощью жестких силовых методов?

– Очень сильно сомневаюсь. Я ведь не своими руками жар разгребаю. И вообще ты, наверное, забыл: для всех этих деятелей с Лубянки и Дмитровки я давным-давно мертва. Мертвее, чем любая из ваганьковских невест, – Анна Сергеевна начала порядком заводиться. – Как долго таблоиды смаковали подробности моей гибели! Где только не печатались фотографии моего раскуроченного взрывом авто! А беспомощных комментариев сколько было! «Убийство из числа заказных»! «Следов исполнителей и заказчиков найти не удалось»! Никто даже предположить не смел, что при взрыве погибла не я... А коль все считают меня погибшей, то и действовать можно понаглее. И ты это просто обязан понимать, раз уж согласился участвовать в деле.

– Ради вас я готов на все, – несколько смятенно заявил Эрнесто.

– Давай вот пока, дружочек, без лишней Санта-Барбары обойдемся, – с легким раздражением попросила Анна. – Чувства в нашем деле, по крайней мере, на данном этапе, не должны перечеркивать логику и холодный расчет. А логика у нас простая. Сначала нагоним как можно больше страху. Потом дадим время призадуматься. Пораскинут мозгами и постепенно осознают, чем эта дискотека чревата. А чтобы они окончательно созрели, мы устроим маленькую да удаленькую утечку информации. И лишь тогда в лунном сиянье на белом коне появишься ты и предложишь свои драгоценные посреднические услуги. Согласен, дескать, похлопотать о локализации проблемы, но взамен извольте сделать кое-какое одолжение...

– Да уж, логика... Главное, чтобы эти... – Эрнесто замаялся, подыскивая нужное русское слово, – уроды в темных очках не распоясались и не вышли из-под контроля. Как говорят в России: дурака пошлешь, а за ним и сам пойдешь.

– Да брось ты, они же у меня буквально с руки кормятся! Они ведь еще не до конца рехнулись, чтобы кусать эту руку! – воскликнула хозяйка и стала выбираться из бассейна.

Гость не смог, да особо и не хотел, скрыть восторга. Он заворожено взирал на женщину. К своим годам она не утратила весьма привлекательной фигуры и других прелестей. Лиловый раздельный купальник смотрелся на ней безупречно. Выходя из воды, Анна Сергеевна напоминала самых прекрасных Венер и Афродит с картин итальянских художников эпохи Возрождения. В тот момент становилось ясно, что она нарочито подразнивала чувства своего делового партнера.

– Я вот только одного нюанса никак не могу понять: зачем вы так хотите его освободить? – грустно промолвил Эрнесто. – У нас... то бишь у вас ведь и так есть все, что хотите! Вы можете позволить себе любой каприз: хоть платиновые кнопки в лифте, хоть туалетную бумагу из натурального шелка с ручной росписью. Да что там говорить! Вам под силу одним махом купить всю эту чертову «банановую республику» вместе с их распрекрасным президентом!

Анна Сергеевна не стала отвечать на его вопрос. Она величественно продефилировала мимо приунывшего Эрнесто. Усевшись в шезлонг, женщина прищурила глаза и подарила гостю ласковую улыбку. Легкий бриз с юга нежно трепал ее волосы.

– Не в деньгах счастье, а в их количестве. Тот, у кого есть десять миллиардов долларов, всегда будет давить того, у кого пять миллиардов. А тот, у кого двадцать – будет давить и того, и другого! – сказала Анна Сергеевна и захохотала. Ее смех был настолько громким, что треск попугаев в нем несколько терялся.

Позволив поцеловать себя в руку, хозяйка виллы спешно велела гостю откланяться. Эрнесто, ощущая определенную неудовлетворенность, повиновался приказу и в смятении чувств побрел к воротам. Медленно, словно ожидая оклика за спиной, он спускался к причалу. Никакого оклика не последовало. В те минуты Эрнесто больше всего на свете хотел забыть о своем влечении к госпоже. Отогнать сладострастные мысли и думать исключительно о делах у него не получалось. Безуспешными были и попытки переключиться на окрестные пейзажи. Они не вызывали былого восхищения. Иные из них никогда и не претендовали на то, чтобы кого-то восхищать. Скорее наоборот. Убедиться в этом было легко: хватало одного-единственного взгляда на северо-запад.

На северо-западе, всего в каком-то километре от сказочной роскоши, лежал абсолютно невзрачный рифовый островок. Рядом с его берегом на морских волнах слегка покачивалась небольшая платформа. На ней располагалось несколько наспех сооруженных дюралевых и деревянных построек в стиле «хижина дяди Тома». От платформы в разные стороны расходились без малого два десятка длинных тросов. Каждый трос удерживался на плаву множеством пустых пластмассовых канистр. Это «чудо», именуемое устричной фермой, возбуждало в сознании Эрнесто неприятные ассоциации. Тросы напоминали ему огромные щупальца коварного морского чудовища, которое ожидало подходящего момента, чтобы схватить незадачливого латиноамериканца и утащить на самое дно.

Эрнесто не горел желанием лишний раз видеть данную раздражающую его конструкцию. Ни разу не обернувшись, он спешно поднялся на моторную яхту, плюнул через плечо в сторону устричной фермы и с хмурым видом отдал приказ отчаливать.

2

Завод железобетонных изделий, именуемый в просторечии «бетонкой», возвышался над небольшим рабочим поселком, словно айсберг над морем. Черный дымок из краснокирпичных труб клеивался в белесое небо. Вереницы ласточек, облюбовавших прилегающий к заводу сквер, кружились неподалеку.

Не будучи сверхприбыльным предприятием, «бетонка», выглядела вполне ухоженно. Корпуса аккуратно выкрашены. Износившаяся облицовка заменена новой. Выбоины на асфальтированных дорожках возле завода добротнo залатаны, а бордюры побелены известью.

Подобная ухоженность с недавних пор стала заводской традицией. Кому-то из рабочих это нравилось, кому-то нет. Но и те, и другие в одинаковой степени радовались, когда на их родном производстве наступал день зарплаты. Это был настоящий праздник. Его значимость для жителей подмосковной Дубровки могла сравниться разве что со значимостью карнавала в Рио-де-Жанейро для бразильцев. По этой причине любая, даже самая минимальная, задержка в выдаче денег вызывала бурю негодования. Впрочем, в большинстве случаев это была всего лишь буря в стакане.

Очередной раз в зале кассы завода железобетонных изделий в нетерпеливом ожидании толпились рабочие. Окошечко кассы вопреки ожиданиям и положенному графику времени все никак не открывалось. Данное обстоятельство крайне беспокоило присутствующих. Особенно негодовали те, кто пришел после ночной смены. Самые ретивые мужчины подходили к окошку, стучали и вызывающим тоном спрашивали, сколько еще можно ждать. В ответ кассир ничего внятного не говорила, лишь просила не начинать скандалить.

Рабочие возмущались.

– Москва под боком, а деньги задерживают, – недовольно говорил один из них.

– А они их, наверное, через Владивосток везут, – предполагал другой.

– Да ты еще скажи, что через Гаити, – посмеивался третий, вызывая тем самым всеобщий нездоровый хохот.

Кассир, пожилая женщина, открыла окошко и громко сказала:

– Харэ ржать, мужики, а то побелка с потолка сыплется. Занимайте лучше очередь. Начинаем выдачу.

Рабочие немедленно выстроились в кривую очередь перед окошком. Они заметно повеселели, предвкушая, как денежки наконец-то перекочают к ним в карманы. Кто-то вслух прикидывал, что неплохо было бы заглянуть в ближайшую пивнушку. В ответ ему звучали возражения младших товарищей, желавших отправиться «по бабам».

Внезапно на улице раздался пронзительный вой сирен. «Нашли время пожарную тревогу репетировать», – вновь стали возмущаться рабочие. Рассмотреть что-либо из окон не удалось. В зал вошел припоздавший рабочий. Очередь устремила все внимание на него, интересуясь происходящим снаружи:

– Чего там стряслось?

– К заводу подъехали четыре внедорожника с мигалками, – слегка заикаясь, объяснил тот.

Очередь погрузилась в тревожное молчание. Каждый стоявший в зале пытался понять, кто и для чего так громогласно и эффектно пожаловал на «бетонку». Одни представляли арест директора. Другие опасались, что все идет к захвату предприятия некими изворотливыми дельцами. Третьи задавались лишь одним вопросом: будет ли возможность, получив зарплату, спокойно уйти домой.

Между тем вслед за внедорожниками у завода остановились три автобуса с тонированными стеклами. Из автобусов быстро выбежали вооруженные автоматами спецназовцы. Плотным кольцом они окружили заводское здание вместе с кассой.

В зале кассы, заставив рабочих вздрогнуть, заработал репродуктор. «Внимание! Внимание! Говорит заводской радиоузел! – вещал незнакомый голос. – Обращаемся ко всем работникам предприятия! У нас работает чрезвычайная комиссия из Москвы. Завод оцеплен милицией. До особого распоряжения покидать пределы предприятия запрещается. Просьба соблюдать спокойствие и не препятствовать работе членов комиссии! Спасибо за понимание».

«Да что же это за чертовщина такая?!» – в недоумении зароптали мужики.

Кассир вскоре сообщила о временной приостановке выдачи денег. Недоумение и ропот усилились вдвойне. Наперекор услышанным по радио предупреждениям некоторые рабочие пытались выйти на улицу «перекурить это дело». Однако милиция не разрешила им даже дверь приоткрыть.

Дело выглядело весьма серьезным и, как ни крути, странным. Радиосообщение было таким обтекаемым и неконкретным, что никак не могло прояснить обстановку. Очередную догадку о минировании завода мужики тут же отклонили: дескать, почему тогда держат в здании, а не занимаются эвакуацией? Через минуту-другую в сопровождении двух спецназовцев появился человек в штатском. Его походка, стрижка, выражение лица позволяли рабочим увидеть в нем сотрудника спецслужб. Все вопросы с их стороны он оставил без внимания и стремительно прошествовал в кассирское помещение. Мужики притихли, безуспешно пытаясь расслышать, о чем же службист шушукается с кассиром.

Службист предъявил кассиру удостоверение на имя Виктора Ивановича Снежкова. Ничего не объясняя, он достал из кейса некий прибор и приблизил к деньгам. Датчики на приборе мгновенно сработали. Виктор Иванович нахмурился, покачал головой и тихо сказал: «Вся наличность с отклонениями от нормы изымается».

После этого он вышел в зал к рабочим и громким голосом отдал распоряжение: «Все купюры, которые вы только что получили в кассе, следует немедленно сдать обратно! По возможности постарайтесь даже не прикасаться к ним. Пожалуйста, без лишних волнений. Вместо этих купюр вам сегодня или завтра выдадут другие».

Полностью растерянные мужики подались к окошку кассы, выполняя распоряжение службиста. «Наверняка фальшивки!» – пронеслась среди рабочих догадка. Несмотря на предупреждения Снежкова, многие из них без боязни извлекали из карманов и портмоне злополучные дензнаки. Помяв, пощупав, посмотрев купюры на свет, мужики не замечали в них никаких изъянов: и металлизированные ленточки на месте, и водяные знаки. «Нынешние мастера и не такое сделают», – словно подтверждая мнение рабочих, сказал службист и снова удалился в кассирское помещение. Там он и подоспевшие вскоре помощники тщательно, купюра за купюрой, проверили тем же прибором все деньги. Проверка вскрыла странное обстоятельство. Датчики прибора реагировали не на все купюры подряд, а лишь на часть самых мелких из них: «10», «50» и «100» рублей. Они и подлежали изъятию. Кассир смотрела на это действие с огромным удивлением. Она не могла поверить, что в России отыщется хотя бы один глупец, додумавшийся подделывать всю эту мелочь.

3

Придвинув кресло поближе к широкому офисному столу, пожилая грузная женщина отставила в сторону чашку с недопитым кофе. Изображенные на чашке логотип газеты «Россия молодая» и бодрый слоган «Читай нас смолоду! Нет – информационному голоду!» не давали ни малейшей возможности забыть о работе. Большая стопка разновеликих конвертов с читательской корреспонденцией подлежала немедленному разбору. Хозяйка стола вооружилась ножом для резки бумаги и с немалым азартом принялась за дело.

Имея за плечами не один год работы в прессе, женщина в который раз отмечала, что наплыв писем от читателей становился все меньше и меньше. В результате должность заведующего отделом писем приобретала весьма странные черты: заведовать, по сути, было некем. Свое назначение именно на эту должность она рассматривала как своеобразную почетную ссылку и относилось к данному факту своей предпенсионной биографии не без юмора.

Письма, как и десять лет назад, были разными. Одни читатели жаловались на рытвины и колдобины у подъезда. Другие сообщали, что соседи по лестничной клетке участвуют во вселенском заговоре сил тьмы, готовя неправильный самогон. Третьим очень сильно хотелось излить душу. Во всех случаях люди из разных концов страны предпочитали не решать свои проблемы на местах самостоятельно. Они, минуя все мыслимые и немыслимые инстанции, сразу обращались в солидное центральное издание. А именно таковым и являлась независимая газета «Россия молодая».

Взяв в руки очередной конверт, заотделом заинтригованно промурлыкала. Он был гораздо больше и тяжелее остальных. Женщина попробовала представить, что же могло быть содержимым этого послания. На своем веку она повидала всякого. Читатели присылали книги, дневники, шоколадки с червями, обрезанные локоны волос, стиральный порошок и еще вагон с маленькой тележкой всякой всячины.

Вскрыв конверт, женщина обнаружила пакет из фольги и лист с отпечатанным письмом. Она повертела пакет в руках и увидела на нем желтую наклейку с черным знаком: кружок, в котором вписаны три равнобедренных треугольника. «Радиация?!» – с недоверием прошептала заотделом писем и машинально отбросила пакет на стол. Поколебавшись несколько мгновений, она схватила распечатку и стала вполголоса читать: «В конверте из свинцовой фольги находятся три купюры достоинством 10, 50 и 100 рублей. Каждая из них заражена радиацией и, естественно, опасна для жизни. В самое ближайшее время такие купюры будут вброшены в оборот. Один вброс уже был. Просьба оперативным образом проинформировать власти». Больше в письме ничего не было: мотивы не излагались, требования не выдвигались, подпись отсутствовала. Нервный смешок вырвался из уст женщины. Она не то чтобы испугалась, но приятных ощущений от прочтенного послания явно не получила. Не медля ни секунды, заведующая взяла телефонную трубку и набрала номер главного редактора.

Буквально через пять минут после вскрытия злосчастного конверта отдел писем газеты «Россия молодая» стал весьма многолюдным. Все руководство издания посчитало своим профессиональным долгом присутствовать там. Редактор и заместители недоверчиво рассматривали пакет со знаком радиации. Определить что-либо навскидку не представлялось возможным. Тем не менее большинство почему-то решительно склонялось к мысли, что дело выеденного яйца не стоит.

«Да надо просто выбросить эту ерунду, – довольно эмоционально рассуждал один из заместителей главреда. – По-моему, здесь все ясно, как божий день. Какой-то недомерок посмотрелся боевиков или детективов и решил пошутить на свой манер. Разумеется, шутка совершенно дурацкая. Но она вполне вписывается в логику телефонного терроризма: звонят в милицию, предупреждают о минировании школы или рынка, а минирования на самом деле

нет и быть не могло. Да и на бумаженцию эту взгляните. Без начала, без конца. Не письмо от террористов, а смех один. Сразу видно, что дело рук полного профана».

Присутствующие внимательно его слушали. Многие из них внешне соглашались с такой точкой зрения. Однако решиться на то, чтобы взять пакет из свинцовой фольги и швырнуть в корзину для мусора, никто не мог. Главный редактор пребывал в молчаливом раздумье. «А стоит ли спорить на пустом месте? – завотделом писем задала риторический вопрос и сразу же внесла предложение. – У завхоза ведь есть бытовой дозиметр. Давайте возьмем и проверим». Шумок одобрения прокатился по кабинету. Главред согласно кивнул головой и лично позвонил отсутствовавшему в кабинете заместителю по хозяйственной части.

Завхоз явился не только с дозиметром, но и со специальными перчатками. С ученым видом знатока он подошел к указанному пакету и небрежно разорвал его. Внутри лежали три купюры, о которых говорилось в письме. Взяв трубку дозиметра, завхоз поднес ее к деньгам, посмотрел на датчик, изумленно присвистнул и тихо сказал: «Господа, у вас есть отличный материал для нового выпуска. Дозиметр аж зашкаливает...»

* * *

Подтверждение радиоактивности купюр, полученных простым почтовым отправлением, всполошило всю редакцию «России молодой». Всяческие рассуждения и досужие домыслы руководство решило оставить до лучших времен. В подобной ситуации действовать должны были только специалисты, и никто, кроме них.

Не прошло и часа, как в редакцию прибыли милиция и сотрудники спецслужб. Каждый четко выполнял возложенные на него обязанности. А ведь работа предстояла немаленькая. Следовало сделать предварительный анализ обнаруженных купюр и «одежек», в которые их облачили неизвестные злоумышленники. Необходимо было провести контрольные замеры радиоактивного фона не только в отделе писем, но и буквально в каждом помещении редакции. В конце концов, и без опроса очевидцев обойтись было трудно.

Используя высокоточное профессиональное оборудование, сотрудники спецслужб подтвердили зараженность радиацией трех купюр мелкого достоинства. Конверт и упаковка из фольги «фонили» значительно меньше. Судя по штемпелю на конверте, определили, что послание было отправлено из Москвы.

После всех замеров злополучные купюры поместили в специальный контейнер. Как только он покинул редакцию, в отделе писем начались дезактивационные работы. Другие проверенные помещения оказались незараженными.

– Скажите, пожалуйста, а не мог ли данный конверт с его содержимым быть предназначен именно для вас? – выяснял у завотделом писем один из сотрудников спецслужб.

– В каком смысле? – попросила уточнения пожилая грузная женщина. Ее, безусловно, задевало все, связанное с происшествием. Она была заметно измучена происходящим, в кресле сидела вальяжно и обмахивала лицо газетой, словно веером.

– Может быть, кто-то желает вам зла и, зная, что читательскую корреспонденцию просматриваете как раз вы, решил таким вот образом посчитаться, – отвечал сотрудник.

– В моей жизни разное случалось. Но чтобы кто-то со мной хотел поквитаться, такого никогда не было... – женщина замолчала и заплакала.

* * *

Когда все необходимые работы были закончены, из представителей спецслужб в редакции остался лишь один человек. Этим человеком был Виктор Иванович Снежков. Ему предстояла серьезная беседа с главным редактором «России молодой».

Стараясь избежать излишней официозности, Виктор Иванович отказался пройти в кабинет главреда. Они остановились у окна в конце длинного редакционного коридора. Снежков начал первым:

– Я надеюсь, что вы воздержитесь от искушения и откажитесь от сенсационной публикации. Подумайте, зачем вам это надо? У вас же солидное аналитическое издание, а не бульварка с зелеными человечками. Вашу газету в Кремле читают. Да, бесспорно, не со всем написанным соглашаются. Но ведь очень уважают за профессионализм и преданность национальным интересам нашего государства.

– Позвольте, речь ведь не идет о слепой погоне за сенсацией. Мы просто хотим обнародовать весьма важный факт. И имеем, кстати, на это полное право, – не поддавался редактор.

– Неужели вы не понимаете, что вашу газету хотят элементарнейшим образом использовать для слива информации! – возбужденно восклицал Снежков. – Давать любое, даже самое маленькое сообщение о зараженных купюрах нельзя. Преднамеренная выдача государственной тайны карается...

– Вот только давайте уж без этих штучек, – прервал его собеседник. – Вам должно быть известно, что мы действуем исключительно в рамках «Закона о государственной тайне» и не выходим за данные рамки ни на шаг. А где в данном случае гостайна? Нет, конечно, я могу чего-то не знать. Проинформируйте меня в таком разе. Покажите мне, пожалуйста, гриф «совершенно секретно».

– На чью мельницу воду льете? Вы же должны понимать, что информация о зараженных банкнотах вызовет массовую панику. А это может привести к страшному экономическому и политическому кризису. Неизвестные злоумышленники и пытаются его спровоцировать. И получается, что ваша газета собирается поспособствовать достижению их грязных замыслов.

– Вы тоже должны понять меня правильно. Я считаю, что наша задача состоит в том, чтобы своевременно оповестить людей. Люди должны быть в курсе. Это наш профессиональный долг. Предупрежден – значит вооружен. Открытая информация на страницах серьезной газеты – это ведь гораздо лучше, чем мутные слухи при полном молчании масс-медиа и властей. Вот ведь в чем заковыка. Да и не исключено, что банкноты уже расползаются по всей стране великой, будто тараканы. Тут уж действительно последствия вырисовываются самые катастрофические. Подумайте о здоровье сотен тысяч россиян!

Как ни старались собеседники убедить друг друга, каждый из них в результате остался при своем мнении. И главный редактор, и сотрудник спецслужб были движимы стремлением спасти соотечественников от страшной беды. Вот только спасти они собирались совершенно противоположными способами. Сказывалась специфика профессионального мышления, никак не позволявшая им прийти к взаимопониманию.

4.

Лампа дневного света назойливо гудела. Старший лейтенант Сергей Павлов в который уж раз покосился на нее. Казалось, что шума лампа производила гораздо больше, нежели давала света. В любом другом случае ее можно было отключить и погрузиться в кромешную темноту – окна в бункере напрочь отсутствовали. Темнота ни в коем случае не смущала опытного боевого пловца, известного среди друзей и сослуживцев под звучным прозвищем Полундра. Если бы не служебная инструкция, он ни минуты не стал бы терпеть надоедливый звук, исходивший от лампы. Полный мрак абсолютно не помешал бы ему ориентироваться в стенах довольно просторного бункера.

Несмотря на просторность, все здесь было достаточно стандартно, без каких-либо излишеств. Полундре хватило всего лишь одного взгляда, чтобы запомнить расстановку в помещении. По левую руку от входа находилась аккуратно заправленная железная кровать. Рядом с ней стояли тумбочка и табурет. Далее к боковой стене примыкали два небольших серебряных шкафа. В стороне от них висел пожарный щит с вполне обычным набором: огнетушитель, ведро, топор, лом. Единственное, чем щит отличался от большинства себе подобных, – присутствие маленькой красной кнопки с надписью «Alarm». Вдоль стены напротив входа тянулось несколько черных труб. В углу, справа от входа, имелся умывальник с зеркалом. В нескольких шагах от него располагались деревянный стол, привинченный к полу, и еще один табурет.

Старший лейтенант, одетый в тельняшку, флотские брюки и ботинки, задумчиво сидел за столом. Чувствовал он себя несколько напряженно. Шум лампы заметно усиливал его напряженность. Полундра постукивал пальцами по столу, словно играл на пианино. Иногда он прерывал это занятие и смотрел на часы. Время приближалось к обеду, но никаких новых распоряжений от начальства не поступало.

Совершенно неожиданно помещение взорвалось душераздирающим воем сирены. Полундра моментально вскочил из-за стола. Без малейшего намека на панику он огляделся, пытаясь определить смысл подаваемого сигнала. Под ногами послышался плеск воды. Вода очень быстро прибывала, затопляя пол бункера.

Полундра обежал по периметру все помещение в поисках источника течения воды. Поиски оказались тщетными: складывалось такое ощущение, что вода сочится сквозь стены. Подобный изъян никак нельзя было устранить. По колено в воде пловец двинулся к двери. Всего полчаса назад он свободно выходил в коридор. Сейчас же к своему огромному удивлению, Полундра обнаружил, что дверь то ли заперта, то ли чем-то заблокирована. Мысли молниеносно пронеслись в его голове. В какое-то мгновение он решил бежать к пожарному щиту и нажать на красную кнопку. Однако, добежав до цели, пловец слегка замешкался. Через секунду соблазн воспользоваться кнопкой был преодолен. Полундра схватил со щита тяжелый огнетушитель и бросился с ним к двери. Несколько мощных ударов огнетушителем по дверному замку не принесли желаемых результатов. Вода по-прежнему прибывала. Полундра снова двинулся к щиту. Схватив топор, он вернулся к двери и яростно продолжил крушить замок. На сей раз его попытка имела успех: дверь поддалась.

Осторожно открывая дверь, Полундра надеялся, что вода из помещения должна схлынуть в коридор. Этого, однако, не произошло. В коридоре наблюдалась та же картина, что и в помещении. Вода уже успела подняться по пояс. Данное обстоятельство не вселяло оптимизма. Думать нужно было еще быстрее.

Времени для преодоления длинного коридора явно не хватало. Выбираться предстояло исключительно вплавь. Павлов отчетливо представлял реальное расстояние до выхода на поверхность. Он понимал, что с такими бешеными темпами поднятия уровня воды никакая задержка дыхания не поможет. Требовался хотя бы небольшой запас воздуха. То, что аква-

ланга и кислородных баллонов в наличии не имеется, пловец знал наверняка. «Где же излишек воздуха взять?» – задавался вопросом Полундра, возобновляя в памяти интерьер бункерного помещения. Едва не вскрикнув «эврика!», он в очередной раз направился к пожарному щиту.

Идти по воде стало чересчур затруднительно, и Павлов поплыл. Когда до щита оставалось расстояние на вытянутую руку, он сделал резкое движение и ухватил ведро. Перевернув его дном вверх, пловец стремительно подался к выходу. Вода поднималась все выше и выше. Казалось, что еще чуть-чуть, и она достигнет потолка, а вместе с тем и лампы. Опасность короткого замыкания была очевидной. Стоило Полундре подумать об этом, как освещение погасло. В полной темноте он выплыл коридор, прилагая все мыслимые и немыслимые усилия, чтобы не перевернуть ведро и не зачерпнуть в него воды.

Путь к выходу на поверхность казался бесконечным. Но Сергей Павлов, как бы ни было трудно, не позволял себе даже самой маленькой толики отчаяния. «Выбраться отсюда вопреки всему!» – мысленно приказывал он себе. Чувствуя, что вода вот-вот достигнет критической отметки, пловец сделал глубокий вдох, набрал в легкие воздуха и задержал дыхание.

Следующий отрезок пути Полундра был вынужден преодолевать под водой. Он норовил увеличить скорость. С одной стороны – это помогало быстрее приблизиться к цели. Но с другой – отнимало чрезвычайно много сил. «Еще немного, еще чуть-чуть. Последний бой он трудный самый», – повторял про себя Павлов слова песни советских времен. Он рассчитывал в ближайшие секунды выбраться на поверхность. Но выход все не появлялся и не появлялся. Силы понемногу, но неумолимо начали оставлять пловца. Не переворачивая ведро, Полундра одел его на голову и с жадностью втянул в себя небольшой воздушный запас. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы проплыть еще порядка десяти метров, увидеть над головой просвет и выбраться из воды на землю.

* * *

Прохладный ветер дул с моря. Суровые волны ударялись о пирс. На пирсе, выстроившись в ряд, по стойке смирно стояло семеро крепких мужчин. Каждый из них выглядел изрядно уставшим. С их насквозь мокрых тельняшек и флотских брюк продолжала капать вода. Человек в черной форме с майорскими погонами молча прохаживался вдоль строя. Он строго всматривался в лица построенных подчиненных, словно хотел там увидеть ответ на какой-то из мучавших его вопросов.

Один раз в полгода, после серьезного предварительного отбора, лучшие из лучших боевых пловцов собирались на специальном полигоне. Здесь они сдавали, наверное, самый сложный из всех возможных нормативов: самоэвакуация из затопленного отсека. При выполнении норматива испытуемые должны были продемонстрировать не только оперативность, но и способность быстро реагировать на попутные форс-мажорные обстоятельства. Отличные результаты обычно имели лишь единицы. Иногда случалось, что целые группы не справлялись с заданием.

В этот раз полного провала норматива не произошло. Но все же общие результаты были весьма далеки от удовлетворительных. Именно по этой причине и негодовал командир.

Не давая команды «вольно!», майор обратился к боевым пловцам:

– Ну, что, ребяташки? Завалили норматив? Большинство ваших показателей, товарищи офицеры, ни к черту, ни к морскому дьяволу. Семь богатырей. А как попали в страшную сказку, приближенную к боевым условиям, так многие лапки кверху и задрали. Это не есть хорошо. Вы же боевая элита и просто обязаны свой высокий статус подтверждать действием. А что получилось на деле? Двое из вас спасовали еще перед заклинившей дверью, будто она была непреодолимым барьером. Едва успели пятки намочить, как побежали к тревожной кнопке: спасайте наши задницы! Четверо из вас оказались более сметливыми. Сообразили, для чего можно использовать топорик или огнетушитель. Сумели вскрыть дверь. Но пятьдесят метров

затопленного коридора не осилили. Пришлось эвакуировать. И что же имеем в чистом остатке? А в чистом остатке у нас один-единственный человек, который смог преодолеть все препятствия и самостоятельно подняться на поверхность. Старший лейтенант Павлов, выйти из строя!

– Есть! – громко ответил Полундра и, чеканя шаг, выполнил команду.

Командир поблагодарил его за службу и пожал руку.

– Вот с таких людей, как товарищ Павлов, всем вам следует брать пример, – сказал присутствующим майор и вскоре дал команду «вольно, разойдись!».

Когда шестеро испытуемых покинули пирс, командир еще раз пожал руку старшему лейтенанту и довольно похлопал по плечу.

– Вы молодец, – промолвил он, – на вас мы возлагали большие надежды. Да и не только мы.

На пирсе появился Виктор Снежков. Он переглянулся с майором. Тот, не скрывая гордой улыбки, громогласно сказал:

– Наш Полундра. Вы сами все видели!

Виктор Иванович оставался невозмутимым. Подойдя к Павлову, он кивком поздоровался и предъявил документы. Старший лейтенант заглянул в службистское удостоверение гостя и ни капли не удивился его интересу к своей персоне.

– Чем могу быть полезен? – спросил Полундра.

– Мне нужно с вами срочно переговорить. Пойдемте, пожалуйста, в машину. Речь идет о деле государственной важности, – ответил Снежков.

Оставив улыбающегося майора на пирсе, Снежков и Павлов отправились к черному внедорожнику, который стоял при въезде на полигон.

5

Анна Сергеевна заметно нервничала и поглядывала в иллюминатор. «Где этот чертов клоун?» – в сердцах вопрошала она. Условленное время давно наступило. Однако гость, которого женщина весьма долго ожидала на яхте, бессовестно опаздывал. Она резко встала с обтянутого кожей дивана и отправилась к бару. Там наполнила рюмку коньяком, залпом выпила и закусила большой зеленой виноградиной. Нервозность несколько спала. Анна вышла из каюты и поднялась на палубу.

Роскошная парусно-моторная яхта «Богемия» качивалась на волнах пролива Сен-Марк. На траверзе, в нескольких милях от яхты, в сизом мареве виднелась столица Гаити – город Порт-о-Пренс, подковой раскинувшийся на побережье залива. Со стороны столицы доносился приглушенный гул, напоминающий биение больного сердца. Если бы не этот гул, то можно было целиком и полностью забыть о существовании жизни в этом медвежьем уголке нашей планеты.

Анна Сергеевна пристально смотрела на юго-западную часть Порт-о-Пренса. Она высматривала глазами хоть какой-то намек на лодку, отправившуюся от берега. Но ее старания оказывались напрасными. «Катер слева по борту!» – внезапно вскрикнул матрос. Хозяйка яхты вздрогнула от неожиданности, негромко выругалась крепким русским словом и перешла на левую сторону «Богемии».

Катер приблизился к яхте и остановился. Долгожданный гость имел при себе немногочисленную свиту. Двоих чернокожих верзил в темных каплевидных очках Анна Сергеевна сразу приняла за неких ближайших сподвижников гостя. Третий человек из его сопровождения, массивный черный мужичина, более всего походил на телохранителя.

Оставив всю свою свиту на катере, гость поднялся на борт «Богемии». Одет он был вполне привычно для европейского глаза: светлая рубашка на выпуск, темные джинсы, блестящие кожаные туфли. Но от одного лишь взгляда на его голову экипаж яхты пришел в замешательство. К черной шапочке на голове гостя был прикреплен высохший человеческий череп. Шоколадного цвета физиономию гостя, беспорядочно измазанную чем-то белым, скрывали большие солнцезащитные очки. Заметив шараханье матросов, он самодовольно улыбнулся. В его улыбке было что-то мерзкое. Он походил на вурдалака, который только что испил чьей-то кровушки и по этой причине изволил задержаться. Хозяйка яхты, делая вид, что не замечает всех этих нюансов, бесстрастно поприветствовала гостя и пригласила в каюту.

Гость Анны Сергеевны, если говорить совсем просто, был колдуном. Если же несколько уточнить, то его следовало бы называть унганом. Унганами именуются служители вуду – официальной религии на Гаити. Той самой религии, которую на Кубе зовут «сантерия», а в Бразилии – «макумба». Той самой религии, что некогда возникла в среде чернокожих рабов как смесь африканской магии и католицизма. Из католического учения были позаимствованы и перекроены представления о едином боге-творце. Из магических практик Западной Африки были взяты вера во множество духов, почитание умерших, а также таинственный ритуал изъятия души у человека и превращения его в зомби. Последнее обстоятельство всегда интересовало и праздных обывателей, и маститых ученых. Однако к разгадке секрета зомбирования смогли подступиться – но не разгадать! – только считанные единицы.

Предложив гостю ром и сигары, Анна Сергеевна села в кресло напротив него. Унган маленькими глотками потягивал напиток и блудливыми глазами осматривал хозяйку яхты. Ее эти взгляды беспокоили мало. Она тревожились совсем по другому поводу, хотя внешне своего беспокойства не выражала.

– Месье Бокор, – хлестким деловым тоном обратилась Анна к гостю, – я смею надеяться, что эта встреча останется тайной, как и все предыдущие.

– Послушайте, госпожа Власова, у вас нет никаких поводов не доверять мне. Наши отношения строятся на взаимовыгодной основе. Делать их достоянием общественности глупо, поскольку это не соответствует нашим с вами общим интересам, – рассудительно говорил унган.

Круг интересов Пьера Бокора был весьма широким. Однако больше всего на свете он безумно хотел вернуть власть себе и своим печально известным соратникам тонтон-макутам. Власть для него была связана со сладкими воспоминаниями о далеких временах молодости и верной службе любимому президенту. Вернуть власть он пытался неоднократно. Но каждый раз находились какие-либо обстоятельства, которые не позволяли осуществить заветную мечту. Последняя попытка, готовившаяся несколько лет назад, наверняка закончилась бы удачей, если бы не новые веяния в российской политике. Кто-то другой на его месте, вероятно, отчаялся бы, но только не Пьер Бокор. Говоря о взаимной выгоде отношений с Анной Сергеевной, унган имел в виду очередную надежду на свой приход к власти в Гаити. Предыстория данных отношений была достаточно давняя.

В начале 90-х годов прошлого века рушилась старая советская система. Тогда под шумок много кто пытался наловить рыбки в мутной воде. Некоторым это весьма неплохо удавалось. Среди счастливых «рыбаков» эпохи залоговых аукционов был и Андриан Евсеевич Власов. «Рыбка» ему попадалась сплошь золотая. Неудивительно, что за чрезвычайно короткое время он сказочно обогатился. Практически ни один «хит-парад» наиболее значительных российских бизнесменов не обходился без упоминания Власова. Его лицо постоянно мелькало на разных телеканалах, страницах газет и журналов. Многие начинающие коммерсанты в качестве примера для подражания брали именно его.

Сказка не могла продолжаться долго. К концу 90-х Генеральная прокуратура сумела собрать критическую массу доказательств незаконных действий Андриана Власова. Начавшаяся на него охота происходила по всем правилам егерского искусства: с ищейками, приманкой, гончими и еще бог весть с чем. То, что рано или поздно такая охота может начаться, олигарх понял задолго до ее объявления. Чтобы не потерять все свое богатство, Власов мало-помалу переводил активы за рубеж. Но серьезный капитал – это не иголка в стоге сена: охотникам из Генпрокуратуры удалось отследить и пресечь отток денег из России. Тогда же олигарх был объявлен в международный розыск.

Осознавая всю опасность своего положения, Андриан Власов уехал в одно из самых беднейших государств мира, каковым и до сих пор является Гаити. Олигарх решил, что там его точно никакие охотники не достанут. Он стал лихорадочно скупать землю и недвижимость на Гаити. Но, даже бравируя своей мнимой безопасностью, кое-что он приобрел и оформил на чужое имя. Среди подобных приобретений был, например, и живописный островок с шикарнейшей виллой.

Присмотревшись к политическому положению на Гаити, Андриан Власов очень быстро понял, что полиция и государственные структуры погружены в чудовищную коррупцию. Хорошего в этом обстоятельстве было мало. Гаитянские чиновники с преогромным удовольствием брали взятки. Но любой вопрос с помощью взятки решался лишь до той поры, пока кто-то не предложит еще большую сумму мзды. А посему надеяться на местную бюрократию не стоило. Казалось, что за парочку сахарных косточек, брошенных здешним бюрократам, Лубянка получила бы полную свободу действий вплоть до силовой акции против Власова.

Поэтому нужно было искать тех, кто бы и деньги взял, и в обиду не дал. Таковыми олигарху показались тонтон-макуты во главе с колдуном Пьером Бокором. По сути, они составляли организованную преступную группировку, прикрывавшуюся политическими лозунгами. Безо всяких проволочек олигарх наладил с ними связи. Стараясь задобрить колдуна-властолюбца, Власов открыл на его имя поточный счет, сделал роскошные презенты. Бокор же наде-

ялся, что с помощью Власова сможет оказаться у руля власти. Поэтому колдун был готов перегрызть глотку любому, кто стал бы угрожать безопасности его «русского друга».

Российские спецслужбы, однако, поступили более тонко, чем предполагал Андриан Евсевич. Располагая сведениями о его слабости к итальянской ренессансной живописи, олигарху подбросили информацию о возможности приобрести в Австрии наброски доселе неизвестной картины Леонардо да Винчи. Естественно, это была лишь приманка. Австрийская полиция арестовала Власова и, выполняя международные договоренности, в двадцать четыре часа выдала России.

Жена олигарха не стала дожидаться решения суда и всех вероятных последствий. Она весьма искусно симитировала свою смерть. Тайно выбравшись в Европу, Анна Сергеевна Власова срочным образом сделала себе «тюнинг», как на рублевском сленге называли пластическую операцию. Одновременно с этим она заполучила подложные документы на имя гражданки Чехии, приняв решение обосноваться на Гаити.

Муж никогда не обижал ее в плане денег. До ее счетов, открытых на третьих лиц, российская генпрокуратура не добралась. Можно было жить припеваючи в своем сказочном дворце и даже не вспоминать о муже, томившемся в одной из мордовских колоний. Однако безумная жажда еще большего богатства неудержимо овладевала ею. Стоило Анне Сергеевне только подумать о том, какие суммы находятся на заблокированных счетах дражайшего супруга, как ее начинало лихорадить. Разблокировать их без освобождения Андриана Власова было невозможно. Ситуация складывалась классическая: видит око да зуб неймет.

Анна Власова прокручивала в голове множество вариантов освобождения мужа. Некоторые сценарии при ее финансовых возможностях казались вполне осуществимыми. Правда, предпринять какие-либо действия в одиночку Анна не решалась. Слишком серьезные ставки предполагалось сделать. И они требовали не менее серьезной подстраховки. Поразмыслив, она сообразила, кого следовало бы взять в помощники. Унган Бокор подходил для этой роли, как никто другой. Освобождение Власова было для него жизненно необходимым моментом. К тому же колдун открыто выражал свою ненависть к российским властям и мог стать отличным пугалом, отвлекающим внимание Кремля от реального мозгового центра предполагаемой авантюры. Как только Анна Власова намекнула колдуну, о чем идет речь, он сразу же согласился оказывать ей помощь.

План, придуманный Анной Сергеевной, выглядел просто и по-своему изящно. По ее задумке, необходимо было облучить изотопами стронция достаточно большую массу рублевой наличности, включавшую в себя самые ходовые купюры. После облучения купюры переправлялись бы в Россию. Затем предстояло организовать грамотную утечку информации и сообщить россиянам о том, что деньги заражены. Следствием информационной диверсии должен был стать моментальный рост недоверия людей к законным платежным средствам. Кто бы захотел носить в портмоне персональные «маленькие чернобыли» и уж тем более получать радиоактивную заразу в качестве оплаты за труд!

Ответственность за этот масштабный террористический акт обязывался взять на себя Пьер Бокор. Ему же предстояло выдвинуть российским властям требования об освобождении Андриана Власова и разблокировке его счетов. Анна Сергеевна отслеживала бы все события, оставаясь при этом в тени. С наступлением критической для России ситуации она отправила бы для переговоров с властями еще одного помощника – Эрнесто Кипитильо. Ему отводилась роль фальшивого посредника, который пообещал бы русским разобраться с колдуном, требуя взамен выполнения все тех же условий: господина Власова на свободу, его счета разблокировать.

Хозяйка яхты изобразила благодарную улыбку.

– Наш план приносит первые плоды, – поспешила похвастаться она. – Я уже получила кое-какую информацию. Выброс серии банкнот в Подмосковье породил панические настрое-

ния. Спецслужбы, изъяв часть наличности, попробовали представить свои действия как борьбу с фальшивомонетничеством. Работяги сначала клюнули на это. Но к настоящему моменту в фальшивки уже никто не верит. Информационный слив я уже организовала.

– Когда произойдет второе вбрасывание купюр? – беззаботно дымя сигарой, поинтересовался Бокор.

– На днях, – лаконично ответила Власова. Взяв со стола календарь, госпожа посмотрела на него, будто хотела еще раз убедиться в своей правоте.

– Русские уже знают обо мне? – снова спросил колдун.

– Вас пока рано светить. Ну а сами они вряд ли сумеют что-то заподозрить.

– Они не знают, с кем имеют дело, – с гонором промолвил он. – Мне служат столько демонов, что тягаться со мной нет смысла. Пусть только попробуют дерзнуть. С помощью моих демонов мы обязательно одержим победу над всеми врагами. А если понадобится, то и в зомби превратим. Главное – друга нашего, любезного Андриана Евсеевича, из темницы вызволить.

«У-у-у, дедушка, какие у тебя огромные тараканы в голове», – подумала хозяйка яхты, трезво оценивая слова гостя. Вслух, естественно, она сказала совсем иное:

– Надеюсь, вы окажетесь намного сильнее и кремлевских, и лубянских демонов!

Унган снова оскалился вурдалачьей улыбкой, так как до умопомрачения обожал неприкрытую лесть.

6

За дверями одного из начальственных кабинетов штаба Балтийского флота проходило совещание. Имело оно весьма узкий формат и отличалось особой секретностью. Хозяин кабинета – функционер флотской разведки – адмирал Иван Александрович Ключев занимал место за своим рабочим столом. Он внимательно изучал содержимое зеленой папки. Комментарии по поводу содержащихся в ней материалов давал Виктор Снежков. Сидел он на кресле чуть в стороне и поэтому имел возможность осмотреть весь интерьер кабинета.

На большом столе у адмирала находилось два телефонных аппарата, подставка с перекидным календарем и канцелярскими принадлежностями, компьютер и рамка с фотографией внуков. К нему перпендикулярно примыкало несколько более узких, обставленных стульями, столов. Не доходя самую малость до книжного шкафа у противоположной стены, они оставляли достаточное пространство для прохода к окнам. У двух больших окон уютилось несколько выстроенных в ряд кресел. К стене, прямо за спиной начальника штаба, были прикреплены российский государственный флаг и флаг военно-морского флота России. Несколько выше располагался российский герб. На этой же стене с левой стороны висел портрет президента, а с правой – портрет императорского адмирала Федора Ушакова. Стену, противоположную окнам, практически целиком занимала огромная и чрезвычайно подробная карта мира.

Иван Александрович вынул из папки фотографию, чтобы лучше ее разглядеть. На снимке был запечатлен улыбающийся Полундра в парадной форме.

– Майор Захаров уверен в нем на все сто процентов, – как бы между прочим заметил Снежков. – От себя добавлю: по-моему, он первоклассный боевой пловец, единственный в своем роде.

– Очень жалко, что мне так и не удалось увидеть этого бойца в деле, – посетовал Ключев.

– О, товарищ адмирал, поверьте уж мне на слово, – по-деловому, без лишнего пафоса, выразил свое восхищение службист.

– А сам-то парень знает, куда его отправят и для каких целей? – спросил адмирал.

– Он даже и не догадывается. Да и вообще старший лейтенант Сергей Павлов принадлежит к той породе людей, которые без реальной необходимости лишних вопросов не задают. Тем более если речь идет о приказе. Выполнение приказа для него – священный долг, не подлежащий каким-то рассуждениям.

– Молодец лейтенант. Крайне ценное по нынешним временам качество. Нечего и говорить, – одобрительно отреагировал хозяин кабинета и, нажав кнопку селектора, обратился к секретарю: – Пригласите товарища Павлова.

Буквально через секунду Полундра был в кабинете. Несмотря на усталость, вызванную недавними экстремальными учениями, боевой пловец выглядел достаточно бодро. Адмирал предложил ему присесть и попробовал коротко обрисовать ситуацию:

– Дело в следующем. Некие гнусные террористы имеют зуб на нашу страну. Одна их хитроумная диверсия уже была осуществлена. Нет, это не взрыв домов, захват заложников или расстрел людей в упор. Тут все гораздо мудренее. В денежный оборот вброшены облученные радиацией купюры. К счастью, их очень быстро удалось обнаружить: почти вся партия оказалась в кассе одного подмосковного заводика. Эксперты предполагают, что вот-вот должен произойти еще один вброс этой холеры. А представьте себе, что он случится не на каком-то мелком предприятии, а где-нибудь на нефтяных промыслах или в центрах добычи газа? Это же какой масштаб колоссальный! Не снабдишь ведь каждую продавщицу на рынке или в магазине счетчиком Гейгера! Вы понимаете, чем эта заваруха может закончиться?

Ключев смотрел Полундре в глаза, ожидая какой-либо реакции. Старший лейтенант утвердительно кивнул. С серьезным видом он выслушал каждое слово адмирала, но никаких вопро-

сов пока задавать не стал. Впрочем, ему было крайне интересно узнать, какие контрмеры придуманы в ответ на действия террористов. Интересовала его также и собственная роль в сценарии намечаемых контрмер.

– Мы во что бы то ни стало обязаны помешать террористам и сорвать осуществление их чудовищных планов. Товарищи из Большого Дома, – Иван Александрович кивнул на Снежкова, – провели весьма тщательную экспертизу облученных банкнот.

Адмирал поднялся из-за стола и, жестом приглашая Сергея Павлова, подошел к стене с картой.

– В результате экспертизы было выяснено, что на нескольких купюрах присутствует пыльца одного экзотического цветочка. А растет это цветик-семицветик только в одной точке земного шара. А если быть более конкретным, то вот здесь, – хозяин кабинета показал на карте остров Гонав вблизи Гаити. – На первый взгляд, это может показаться странным. Однако вдобавок к этому имеется несколько оперативных наработок... Извольте полюбопытствовать.

Клюев и Павлов вернулись на прежние места. Виктор Снежков сел напротив Полундры. Из папки, которую службист до сих пор держал в руках, он достал несколько фотоснимков и по одному стал раскладывать перед старшим лейтенантом.

На первом снимке был изображен мужчина латиноамериканской внешности, похожий на типичного героя-любownika из мыльных опер. Полундра хорошо умел угадывать сущность человека по его фотографии. «Кабальеро кобелино», – усмехнулся в данном случае он и стал внимать пояснениям Снежкова.

– Эрнесто Кипитильо. 45 лет. Бывший высокопоставленный функционер Главного управления разведки Министерства внутренних дел Кубы. Образование получил в Советском Союзе. Выполнял для клана Кастро кое-какую грязную работу. Пять лет назад бежал с острова Свободы, когда понял, что ему там ничего не светит. Это, в принципе, неудивительно: с Кубы люди бежали и, наверное, еще будут бежать. Но бегут-то в США, в страны Южной Америки или в Испанию. А этот тип рванул на Гаити. С его послужным списком только такое захолустье и могло показаться приемлемым укрытием от преследований со стороны бывших коллег. Да и рванул он туда, по всей видимости, не с пустыми руками: деньги у него водятся, и весьма приличные.

– Разрешите вопрос, – обратился к нему Полундра и, получив согласие, спросил: – А как этот Зорро связан с облученными рублями?

– Вы правильный вопрос задаете, но всему свое время, – службист уклонился от ответа. – Вот вам еще один снимок.

На очередной фотографии была запечатлена утопающая в зелени пальм роскошная белокаменная вилла с красными черепичными крышами. «Забавная избушка», – мысленно оценил роскошь Полундра.

– Вилла «Мирабелла», – Виктор Снежков не задержался с комментариями. – Находится на островке неподалеку от уже упоминавшегося сегодня острова Гонав. Принадлежит некой очень состоятельной женщине из Восточной Европы. Кто она такая, откуда конкретно и чем занимается – непонятно. Как мы ни старались, нам так и не удалось ее сфотографировать. Зато нам хорошо известно, что в этот дворец частенько захаживает тот самый Эрнесто Кипитильо. Мы неоднократно фиксировали то, как арендуемая им моторная яхта подходит к причалу данного островка, а спустя какое-то время отходит от него. С какой целью этот хлыщ так часто туда наведывается – также непонятно. Однако при помощи нашего мониторинга зафиксированы его многочисленные звонки со спутникового телефона в Россию. И не откуда-нибудь, а akurat с этой самой виллы. Вы наверняка будете смеяться, но со всего Гаити никто больше в Российскую Федерацию так регулярно не звонит. Но это отнюдь не все...

На стол легли еще два снимка: мужчина на одном, женщина на другом. И он, и она ослепительно улыбались. Эти улыбки вызвали у Полундры однозначно негативное впечатление, и

он тут же наградил их хозяев эпитетом «тигрищи саблезубые». Службист бесстрастно продолжал рассказ:

– Он – Андриан Евсеевич Власов. 51 год. Небезызвестный в свое время бизнесмен. Олигарх. Был осужден за особо крупные финансовые махинации. Наказание отбывает в Мордовии в колонии строгого режима. Она – Анна Сергеевна Власова, его супруга. Два года назад погибла в результате хорошо организованного покушения. По остаткам зубов и микроскопическим фрагментам кожи экспертиза подтвердила, что за рулем взорвавшегося автомобиля была именно она. Заказчики и исполнители остались неизвестными. Ее убийство связывали с борьбой, которая развернулась между бывшими компаньонами Андриана Власова. Впрочем, это осталось лишь допущением. Нас же сейчас интересует нечто другое. Господин Власов незадолго до того, как попал в руки российского правосудия, достаточно близко общался с упомянутым ранее Эрнесто Кипитильо. Мы несколько раз зафиксировали их совместные лыжные прогулки в австрийских Альпах.

В качестве доказательства своих слов Виктор Снежков выложил на стол последнюю фотографию: стоящие на фоне гор в обнимку Власов и Кипитильо. Полундра внимательно посмотрел на изображение. Задор и бодрость мужчин казались ему чересчур наигранными. «Беспросветная дружба мужская», – снова не удержавшись от насмешки, подумал старший лейтенант. Через мгновение он успокоился и попытался свести воедино всю только что полученную информацию.

Изложенные службистом факты, очевидно, были чем-то связаны, словно бусинки, которые предстояло нанизать на нить. Беглый функционер кубинских спецслужб, явно друживший с осужденным российским олигархом, жил на Гаити. Сказочный дворец, принадлежавший загадочной женщине из Восточной Европы, располагался на Гаити. Злосчастные облученные рубли, брошенные неизвестными ублюдками-террористами в экономику России, опять же имели гаитянский след. Могло ли все это быть лишь случайным стечением обстоятельств?

Задавшись этим щекотливым вопросом, Полундра попытался уточнить:

– Так вы хотите сказать, что все они...

– Я ничего не хочу сказать, – перебил его Снежков. – Еще рано утверждать что-либо с немалой степенью достоверности. Поэтому совместными усилиями нам следует установить истину. Я думаю, что больше нет смысла разглагольствовать. Скажу по существу: прямо завтра вы отправляетесь на Кубу, а оттуда – на Гаити. Все необходимые инструкции получите уже на месте от нашего человека.

Старший лейтенант Сергей Павлов воспринял эти слова как приказ и громко сказал:

– Есть!

7

Очередной номер газеты «Россия молодая» вышел самым рекордным за всю свою историю тиражом. Все экземпляры, отправленные в розничную продажу, были раскуплены за какие-то два-три часа, и пришлось печатать дополнительную опцию. Первая полоса открывалась огромным двусмысленным заголовком красного цвета «Ядерная атака на Россию?». Здесь же был помещен мастерски исполненный коллаж, изображавший знак радиационной опасности, вырезанный из ходовых рублевых банкнот.

Статья содержала достаточно объективное изложение инцидента с присланными в редакцию образцами облученной наличности. Рядом со статьей в полном объеме публиковалось письмо «анонимного доброжелателя». Не обошлось также без комментариев независимых экспертов. Практически все из них склонялись к мысли, что Российская Федерация находится под прицелом некой изоцированной террористической группировки. Однако никто не осмелился высказать предположения, от какой именно силы исходит данная угроза. Каких-либо практических советов читателям, кроме традиционного «Будьте бдительны!», газета дать так и не удосужилась.

Известие о зараженных купюрах в одночасье подхватили другие негосударственные печатные издания, новостные сайты и блоги. В лихорадочной погоне за рейтингом журналисты и блогеры активно взялись за обсуждение и расследование данной проблемы. Ничего нового им откопать не удалось. Исключением стала только запись в интернет-дневнике молодого рабочего Дубровского завода железобетонных изделий о недавнем «алярме» на его предприятии и изымании людьми в штатском мелких, якобы фальшивых, купюр. Журналисты пытались разыскать этого парня, но он весьма поспешно удалил свой дневник из сети.

Следствием всех публикаций явился постепенный, но неукротимый рост панических настроений среди россиян. Облученные купюры сделались притчей во языцех. Казалось, что о них говорили все и везде: в транспорте, магазинах, спортзалах, кафе... Панику подогревало упорное молчание официальных масс-медиа. В конъюнктуре рынка отчетливо прослеживалась небывалая доселе тенденция – резко возрос спрос на бытовые дозиметры! Их буквально сметали с прилавков, а в случае отсутствия требовали нового привоза. Напуганные люди наотрез отказывались, где бы то ни было, брать купюры достоинством в 10, 50 и 100 рублей. Никакие аргументы и ссылки на здравый смысл должного эффекта не имели. Проблема приобретала угрожающие масштабы. Независимые эксперты всерьез заговорили о надвигающемся финансовом коллапсе.

Несколькими днями позже, когда паника достигла определенного пика, официальные информационные каналы подбросили «успокоительную таблетку». Они признавали факт обнаружения денежных знаков, облученных изотопами стронция. Однако при этом категорически заявляли, что подобных купюр существовало всего лишь две, и что они давно изъяты из обращения. Зараженность банкнот была объяснена досадными ошибками в технологии их изготовления. Называлась и конкретная причина – древесина, из которой производилась целлюлоза для банкнот, была доставлена из «чернобыльской зоны» Брянской области. Звучали заверения, что все технологические ошибки исправлены, а каждый этап процесса изготовления бумажных денег взят под строгий контроль высококвалифицированных специалистов. В качестве резюме к подобного рода сообщениям официальных СМИ выступал призыв не паниковать и не поддаваться на провокации деструктивных сил, стремящихся к дестабилизации обстановки в стране.

Убаюкивающая тональность официальных заявлений не вызвала доверия российских граждан. Настороженное отношение к разнообразным успокоительным речам стало для людей нормой еще со времен Чернобыльской катастрофы. Тогда власти тоже пытались убедить всех на свете, что ситуация под контролем, а на деле все было далеко не так...

Трезвая оценка реального положения вещей порождала печальные гипотезы. В ближайшей перспективе вполне отчетливо вырисовывалась катастрофа всероссийского масштаба. Паническое поведение граждан считалось предвестником вероятных в недалеком будущем социальных и экономических потрясений. Аналитические отделы Кремля и российских спецслужб пытались спрогнозировать развитие событий в случае повторного «вбрасывания» значительной массы зараженной наличности. Прогноз получался удручающим. В случае дальнейшей эскалации паники Московская межбанковская валютная биржа и фондовая биржа «Российская торговая система» становились на грань тотального обвала. Не исключалось возникновение кризиса неплатежей, полного отказа народа от операций с деньгами и постепенное скатывание к натуральному обмену. Но череда этих неурядиц была бы лишь началом дальнейшего краха российской экономики по принципу доминошной пирамиды, как во время приснопамятного дефолта 1998 года.

«Стронциевый кризис» обещал стать куда более масштабным. Прогнозировался полный подрыв доверия населения и иностранных инвесторов к российским банкам и государству. Львиной доле малых предприятий и мелких частных банков угрожало разорение. Ожидалось резкое падение уровня жизни россиян.

В Кремле, на Лубянке и Дмитровке, не дожидаясь повторного «вбрасывания» облученных купюр, задавались вопросом: «Кто все это делает и зачем?» Ответ на данный вопрос предстояло найти боевому пловцу старшему лейтенанту Сергею Павлову.

8

Зеленые островки на горизонте напоминали россыпь изумрудов на голубом бархате. Огромный солнечный диск, подобный древнему величественному божеству, медленно опускался в море. Уставшие теплые лучи нежно ласкали бирюзовую морскую гладь. Легкий бриз дарил приятную прохладу.

Устричная ферма, напоминающая гигантскую паутину, мерно покачивалась на волнах. На центральной платформе в дюралевоом строении возились мужчины. С соседних островов, облагороженных роскошью вилл, за ними никто не наблюдал. Но даже если бы кто-то и надумал последить за людьми на устричной ферме, то не заподозрил бы ничего странного. Скорее всего, их бы приняли за рабочих, которые раз в несколько дней должны были заниматься прикормкой устриц и проверкой целостности тросовой конструкции.

Один из этих мужчин, используя прямоугольную выемку чуть ниже потолка дюралевои хибары, рассматривал в стереотрубы виллу «Мирабелла». Он ловко справлялся с данным техническим средством разведки и одновременно разговаривал со своим напарником. Жгучие черные волосы и смуглая кожа заставляли видеть в нем типичного латиноамериканца. Его напарником, готовившим акваланг и гидрокостюм к предстоящему погружению, был старший лейтенант Сергей Павлов.

Полундра, как и предполагалось, прибыл на Гаити через Кубу. Сотрудники кубинских спецслужб были рады оказать помощь, демонстрируя тем самым себе и коменданте Фиделю эффективность недавних дружеских договоров с российскими коллегами. Вместе с Полундрой на Гаити появился и Хосе Аливарос. Он выступал в роли эквадорского предпринимателя Педриньо Гуттиераса, решившего инвестировать деньги в гаитянский бизнес. Именно на это имя несколькими неделями ранее была приобретена устричная ферма. Сергей Павлов был легендирован как высокопрофессиональный болгарский специалист по устричной индустрии. Выдавая себя за болгарина Георгия Благоева, Полундра перед кем угодно мог оправдать свой не ахти какой английский язык и даже проскакивающие время от времени русские слова – дескать, наследие бывшего социалистического лагеря. Ну а то, что специалист по устрицам должен регулярно совершать погружения с аквалангом, выглядело безупречно логично и не требовало никаких оправданий.

Устричная ферма стала местом, откуда проводилось визуальное наблюдение за подозрительным дворцом на соседнем острове. Видеосъемка объекта велась круглосуточно. Впрочем, результативность данных действий была близка нулю: через стереотрубы можно было рассмотреть лишь краешек одного из причалов да красные крыши за высокой оградой.

Время не терпело промедлений: следовало выяснить, что же происходит на вилле «Мирабелла» и кому она на самом деле принадлежит. Главная задача Полундры на этом этапе состояла в том, чтобы незаметно проникнуть на территорию дворца. Там он должен был установить замаскированные беспроводные микрофоны и видеокамеры.

Павлов, с момента прибытия на Гаити, находился в оперативном подчинении у Аливароса. Это не вызывало недоразумений и размолвок. Оба сразу же оценили профессиональную хватку друг друга. Когда два профессионала работают в одной связке, настойчиво продвигаясь к выполнению общей задачи, то возникновение дружеских чувств гарантировано в большинстве случаев. Данный случай исключением не являлся.

Хосе оторвался от стереотруб.

– И снова ни черта, – на чистейшем русском промолвил он.

– Герника, я все хотел спросить, – Полундра обратился к напарнику по его агентурному прозвищу, – откуда ты так хорошо знаешь русский? Ведь даже акцента никакого.

– Ничего удивительного, – улыбнулся Аливарос. – Я ведь родился и вырос в Советском Союзе. Папа с мамой были «детьми Испании»: в 1936 году во время мятежа фалангистов их эвакуировали из порта Барселоны в СССР. Спасли от смерти...

– Так ты испанец?! – несколько ошеломленно воскликнул Сергей.

– Я всегда знал о своих испанских корнях и горжусь ими, но считаю себя русским. Ведь жизнью я обязан России. И России служу везде, где она прикажет. «Жила бы страна родная, и нету других забот», как поется в старой песне.

– Уважаю, – выразил восхищение Полундра и добавил: – В Латинской Америке, наверное, трудно работать...

– По-разному.

– Но Гаити, как я посмотрю, очень мутная страна, – емко изложил свои впечатления Павлов.

– Еще бы, – согласился Хосе. – Остров невезения в океане есть. И это Гаити. Бывшая французская колония. Французы индейцев под корень вырезали и неграми-рабами заселили. На свою голову. Негры и мулаты добились независимости Гаити раньше, чем многие страны Латинской Америки. Рабство, конечно, отменили. Только стабильности и достатка в стране не прибавилось: интриги, перевороты, диктатуры и вся сопутствующая хренотень. Америкосы в начале прошлого века пытались тут чего-то дергать: тринадцать тысяч чернокожих партизан уложили, да все равно потом пришлось уйти...

– Подожди, – остановил его Полундра, – дай попробую угадать: америкосы слиняли, а ситуация в Гаити ни черта не изменилась. Так?

– Да, ты прав, – подтвердил напарник. – Ситуация по-прежнему была крайне нестабильной. Да вот в конце 50-х годов прошлого века к власти пришел доктор Франсуа Дювалье. Папа Док, как его называли, имел собственное представление о том, что такое стабильность. Ну и наворотил дел – установил кровавую диктатуру. Ясно, что он нуждался при этом в серьезной опоре. Такой опорой стали специальные полицейские силы «Добровольцы Национальной Безопасности». Они были созданы по образцу итальянских чернорубашечников. Члены этой структуры, более известные как тонтон-макуты, носили большие солнцезащитные очки и являлись рьяными приверженцами культа вуду.

– Тонтон-макуты, – повторил Павлов, – какое странное название.

– У названия наверняка африканские корни, – пояснил Аливарос. – В гаитянском фольклоре так именовали рождественских персонажей, которые похищали непослушных детей.

– Я вижу, Папа Док был чувак не без чувства юмора, – усмехнулся Полундра. – Это ведь то же самое, если бы в России сотрудников какой-нибудь спецслужбы называли «бабаями» или «серенькими волчками».

– Юмор у Дювалье, как и у всех диктаторов, специфический был. Тонтон-макутам он не платил жалования и тем самым подталкивал к более активным поискам врагов государства, за счет чего добровольцы и кормились. Затерроризировали гаитян донельзя. Уничтожали малейший признак инакомыслия. Папа Док провозгласил себя пожизненным президентом. Одновременно он виртуозно изображал из себя колдуна вуду, а иногда и барона Субботу – духа смерти и загробного мира, вождя всех мертвецов. А эти, как ты сказал «серые волчки», не гнушались выдавать себя за выходцев из загробного мира.

– Неужели ему кто-то верил? – засомневался Сергей. – Это же полное мракобесие. Нагнать страху хотел или как?

– Еще как верили! Гаитянце ведь просто одержимы дикими суевериями. Поэтому «колдовство» президента воспринималось как нечто само собой разумеющееся. Жители испытывали и страх, и уважение, – пояснил Хосе.

– И чем этот гребаный кудесник занимался? Засуху у богов вымаливал? Или удачную охоту? – с ухмылкой спросил Полундра.

– Оно, конечно, смешно, – говорил Герника, – но лишь до поры до времени. Этот кудесник в начале 60-х годов рассорился с США и истыкал иголками восковую фигурку президента Кеннеди перед телекамерами, насылая проклятие. Через полтора месяца Кеннеди был убит. Явное совпадение. Однако на Гаити его гибель однозначно трактовали как следствие колдовского акта Папы Дока.

– Чертовщина, – сквозь зубы процедил Павлов. – Но с тех пор многое должно было измениться.

– Да ничего практически не изменилось. Папа Док умер. Его сынок попытался продолжить дело. Не получилось. Пришлось драпать. Тонтон-макуты ушли в подполье, но продолжают действовать до настоящего времени. Сегодня это фактически бандформирование. Стабильности в стране по-прежнему никакой. Коррупция ужасающая. Нищета полнейшая. Суеверия цветут буйным цветом.

– И роскошные виллы утопают в зелени живописных островов...

– Эти острова, безусловно, гаитянские. Однако в собственности они находятся у самых разных дельцов мира, которые вовремя воспользовались новыми здешними законами. Точной статистики у меня нет, но говорят, что преимущественно здесь обосновываются нувориши из Восточной Европы. Такие вот, как наша загадочная барышня с виллы «Мирабелла».

Полундра задумчиво покивал головой и сказал напарнику:

– Ладно, Герника, бог с ним, с Гаити. Мы же сюда, в конце концов, не революцию совершать приехали. У нас тут другие задачи. Что там с бухтой?

Аливарос с пониманием улыбнулся.

– Глубина бухты, – принялся объяснять он, – небольшая, где-то до 30 метров. Видимость воды прекрасная, до 10 – 12 метров. Я установил сонары, просканировал все, что только возможно – никаких подводных сетей, видеокамер и ловушек тут нет. Это очень странно, если учесть высоченные заборы, видеомониторинг и все остальное на самом острове.

– Хочешь сказать, что под водой должна быть какая-то подляна? – уточнил Сергей.

– Я даже и не сомневаюсь в этом. Слишком уж просто все получается: погружайся и плыви... – ответил Хосе.

Полундра заглянул в лоцию.

– Течения, донный рельеф... – бормотал он. – Действительно, странно. Никаких контрмер против несанкционированного проникновения со стороны моря не наблюдается. Что они там себе придумали?

– Трудно предполагать. За время службы много чего повидал, но в этом случае никакие аналогии не срабатывают. Может быть, стоит отправиться в Порт-о-Пренс и заглянуть в Интернет – вдруг что-нибудь найдется...

– Ой, это все долгая песня, – запротестовал Павлов. – А времени, сам знаешь, с гулькин хрен. Поплыву я туда осторожненько. Вряд ли там меня подводный флот барона Субботы ожидает. Может, хозяева виллы вообще забыли про обеспечение безопасности этой бухточки.

Не раздумывая, Полундра облачился в гидрокостюм и акваланг. Аливарос вышел из хибары вместе с ним и пожелал удачи.

Сергей Павлов погрузился в воду и сразу же отправился в направлении бухты. Плыть было одно удовольствие. Среди медуз и косяков мелких рыб Полундра чувствовал себя в родной стихии. Для такого тренированного боевого пловца, как он, проплыть под водой километр никогда не представляло трудности. Море радовало теплотой. Вода, как и обещала лоция, была прозрачной.

Старлей уверенно приближался к точке назначения. Он подплыл к бухте и осмотрелся по сторонам. Все больше возрастала убежденность, что недавние опасения были полностью беспочвенны. До цели оставался всего один маленький рывок. Полундра уже представлял, как выберется на южный берег островка и украдкой отправится к вилле. Однако внезапно острая

боль пронзила левое плечо Сергея. В глазах его мгновенно помутнело, а мысли безнадежно спутались. Теряя сознание, боевой пловец ушел ко дну.

9

Полная кровавая луна дьявольски ухмылялась на сером вечернем небе. Купол неба постепенно озарялся вспыхнувшими мириадами звезд. Своим тусклым мерцанием они напоминали далекие огненные стрелы, застывшие в полете к неизведанной цели. Черные, как смоль, птицы оглушительно хлопали крыльями, кружась над кладбищенским полумраком. Их неумный встревоженный крик гулким эхом разносился по окрестности. Жители ближайших к кладбищу домов, едва заслышав птиц, стремились скрыться и не показываться на улице. Они слишком хорошо знали злой нором тех, кто позволял себе хозяйничать на кладбище после заката солнца. Ночной встречи с тонтон-макутами мог желать либо полностью умалишенный человек, либо отчаянный смельчак.

Слепящий свет факелов и фонарей делал более отчетливыми размытые в сумерках силуэты каменных склепов и надмогильных знаков. В тот момент кладбище на окраине Порт-о-Пренса никак не казалось чьей-то последней тихой гаванью. Невольному свидетелю, не сведущему в гаитянской магической практике, погост мог показаться кинематографической декорацией или частью аттракциона ужасов. Вот только вряд ли кто-нибудь из посторонних согласился бы остаться здесь на долгое время. Уж больно леденящее кровь зрелище развертывалось среди поруганного покоя могил.

Крупные чернокожие мужчины в темных очках стояли у разрытой могилы, образовывая тем самым большой полукруг. В их лицах отчетливо наблюдалось предвкушение чего-то сверхъестественного. С немалым вдохновением они ритмично похлопывали в ладоши, сложенные лодочкой. Издаваемый при этом звук очень сильно походил на удары в бубны или ритуальные барабаны. Немолодой колдун, облаченный в фиолетовые церемониальные одежды, резво отплясывал в такт хлопков. Плавность движений, полностью отрешенное лицо танцующего, шапочка с черепом на голове и огромный нож-мачете в руке порождали жутковатое впечатление.

В танце унган то приближался к разрытой могиле, то стремительно отстранялся от нее. Так он делал несколько раз. Каждое новое отступление от могилы сопровождалось разными движениями: колдун изображал зверей, птиц, насекомых. Размахивание ножом в воздухе имело определенную закономерность. Танцующий будто бы пытался всевозможными способами разрезать некую невидимую глазом оболочку. От всего этого действия веяло невероятным потусторонним холодом. Многих тонтон-макутов до костей пробирала дрожь, порождаемая близостью мистического экстаза.

Совершив очередное приближение к могиле, унган резким движением воткнул нож в землю, провернул его несколько раз и прекратил на том танец. Он широко раскрыл глаза и обвел безумным взором присутствующих тонтон-макутов. Мужиковатые верзилы робко ежились под его взглядом и вбирали голову в плечи, словно провинившиеся дети. Смотреть ему в глаза не осмеливался никто, боясь увидеть в них картину собственной смерти.

Верзилы знали, что с окончанием танца ритуал не завершался. Они тихо дожидались новых действий своего повелителя. Колдун стал ходить замысловатыми зигзагами от одного тонтон-макута к другому. Быстро выбрасывая перед собой руку, он указывал на конкретного молодчика и жестом призывал подойти ближе к могиле. Пять избранных таким образом тонтон-макутов безропотно подчинились его воле. Они вплотную подступили к разрытой могиле. Ни секунды не колеблясь, избранные молодчики по одному запрыгнули в могильную яму. После нескольких минут непрекращающейся возни из могилы показался гроб – простой, без изысков, но явно недавно захороненный. Верзилы осторожно подняли его на руках, чтобы, в конце концов, вытолкнуть на поверхность.

Унган Пьер Бокор, а именно он и был центральной фигурой данного мистического акта, приблизился к извлеченному из могилы гробу. Не проронив ни звука, он вытянул правую руку в сторону и раскрыл ладонь. Один из тонтон-макутов суетливо подбежал к нему и опустил на ладонь небольшой предмет. Колдун приблизил руку к лицу, взглянул на предмет и через несколько мгновений установил его на крышку гроба. Эта была достаточно грубая глиняная фигурка. Однако в ней однозначно угадывались черты Спасской башни московского Кремля.

В том, что гаитянскому служителю культа вуду, вовлеченному в заговор, понадобилось изображение Спасской башни, нет ничего удивительного. Объектом ритуалов вуду могут выступать не только фигурки людей, на которых следует навести колдовскую порчу. Магическая практика вуду разрешает использовать с данной целью изображения неодушевленных предметов. Уязвление иглами соответствующих фигурок считается колдунами не менее эффективным способом расправы с противником. Автомобиль врага окажется без тормозов. Вражеский самолет разобьется. Враждебный дом будет смыт тайфуном. Ненавистная власть сменится анархией. Именно Спасская башня представлялась унгану Пьеру Бокору наиболее выразительным символом кремлевской власти, которую он ненавидел всеми фибрами своей нечистой души.

Из кожаной повязки на левом запястье унган выудил несколько ритуальных иголок. Удерживая их тремя пальцами, будто микроскопический веер, Бокор начал издавать заунывное мычание. Заслышав его, тонтон-макуты возобновили свое мерное похлопывание. Позади них в сумраке кладбища зычно грянули молчавшие до сих пор барабаны. Колдун принялся шептать заклинания. Его шепот постепенно превращался в голос, а голос взрывался громоподобным криком. При этом туловище унгана ритмично покачивалось взад-вперед, точно он стоял на краю пропасти и решался на прыжок в раскаленный хаос. Рука с иголками поднималась высоко вверх и стремительно опускалась к глиняному изваянию Спасской башни. Когда каждая новая игла проникала в податливую сырую глину, Бокор издавал неистовое звериное рычание. Казалось, что в то мгновение в нем просыпался и давал о себе знать свирепый изголодавшийся леопард.

Ритуальные иглы закончились. Колдун внезапно замолк. Следом утихли хлопки и барабаны. Пьер Бокор воздел руки к небу, взглянул на звезды и луну. После непродолжительного молчания он опустил руки и начал оглушительно говорить: «Россия обрекла себя на превеликие злополучия. Утро России преисполнено будет тяжким свинцом грозowych туч, молнии коих принесут лютый огонь незримый. И день неминуемо застигнет Россию в полыхании сего презлого огня – родителя многих пожарищ, снедающих плоть изнутри. И вечер России настанет в бурлящих потоках алых слез, настоянных на горьких травах и белой крови. Всенепременно с Россией будет так, ибо духи могучие войском единым ввергнут ее во тьму. О, духи весильные! Вас ли я слышу в час сей?! Добрую ль весть принесли вы? Отрадную ль новость нам провозгласите? Уже... уже началось!..»

Тонтон-макуты смотрели на громогласного колдуна. В его нарочито витиеватых тирадах они сумели уловить только общий смысл: России – конец! Некоторые из них были убеждены, что унган Бокор докричался до самого Кремля. Все это вполне объяснимо, если учесть, что представлял собой рядовой тонтон-макут. А представлял он собой крайне заурядного бездельника, который, как правило, не умел ни писать, ни читать. Зато любой из них мог без ложной скромности похвастать искусным владением навыками грабежа, убийства и насилия. Правда, большего от основной массы тонтон-макутов еще со времен Папы Дока и не требовалось.

Пьер Бокор после исполненного ритуала выглядел чрезвычайно утомленным. Со стороны Порт-о-Пренса дул прохладный ветерок. Разгоряченного, истекавшего потом колдуна начало знобить. Колдовство колдовством, но подхватить простуду можно было запросто и без вмешательства потусторонних сил. Массивный телохранитель отлично понимал данное обстоятельство. Он услужливо накинул колдуну на плечи плащ и бережно повел к машине, которая

стояла у центральных ворот кладбища. Большая часть тонтон-макутов безмолвной серой толпой поплелась следом.

Телохранитель открыл перед хозяином двери старого серебристого «Альфа-Ромео». В салоне негромко звучало радио. Однако в кристальной тишине, установившейся на кладбище и в его окрестностях, звук радиоприемника моментально врезался в уши. Унган и его верзилы достаточно четко расслышали слово «Россия». Но этого было мало.

– Жерар, сделай громче, – попросил Бокор у телохранителя. – Мы должны знать точно, что происходит в логове нашего заклятого врага.

– Уже началось, – угрюмо пробормотал Жерар и покрутил настройку звука.

Французская служба «Всемирного радио» приятным женским голосом сообщала: «В отдельных регионах Российской Федерации наблюдается паника. Население отказывается принимать мелкие купюры, ссылаясь на их радиоактивность. Официальные власти не признают факт облученности изотопами стронция целой серии самых ходовых российских купюр. Тем не менее панические настроения среди россиян продолжают нарастать. Напоминаем, что первая их волна началась после ряда недавних публикаций на данную тему в негосударственных российских изданиях». Диктор перешла к освещению событий в других странах мира. Жерар, не дожидаясь указания, по собственной инициативе заметно убавил громкость.

Прислушав новость о странных событиях в России, унган Пьер Бокор засветился улыбкой самодовольного вурдалака. «А что я говорил?! – не так громко, как совсем недавно, произнес он. – Великие духи вуду помогают нам! Истинно глаголю вам: близок час падения России!» Вся шайка неотесанных молодчиков пораженно молчала. Тонтон-макуты не имели ни малейшего представления о том, что такое радиоактивность или изотопы стронция. Но смысл новостного сообщения оценили для себя в мгновение ока: «Гаитянские демоны, подчиненные великому унгану Пьеру, оказались куда сильнее демонов российских! А это значит, что Андриана Владова, большого друга всех тонтон-макутов, скоро наверняка отправят на Гаити...»

Колдун сел в машину. Когда «Альфа-Ромео» прилично отъехал от кладбища, Бокор позволил себе искренне рассмеяться. Он по-ребячьи радовался неожиданно благоприятному стечению обстоятельств, которое лишним раз укрепило веру тонтон-макутов в его колдовские способности. Жерар молча крутил баранку, стараясь выбрать из почти стопроцентного бездорожья более-менее удовлетворительный путь. Лишь изредка он бросал мрачные взгляды на зеркало заднего вида и недоуменно смотрел на хозяина. Тот по-прежнему предавался безудержному веселью.

10

Мутная пелена медленно спала с глаз Полундры. Постепенно он пришел в себя. Его изумленному взору открылась синеватая рябь. Сообразить сразу, что он находится в воде, оказалось не так и просто. Лишь после нескольких минут мучительного напряжения памяти старлей все вспомнил.

Боевой пловец лежал на морском дне. В спину кололи небольшие, но довольно острые камни. Сергей Павлов попробовал сменить неудобное положение тела. Он поднял туловище и сел. Последовавшая затем попытка оттолкнуться руками от дна не принесла успеха. Тупая боль решительно напомнила о себе. Только тогда Полундра осознал, что его левая рука пребывала в весьма болезненном состоянии. Полученное неизвестным образом ранение провоцировало ощутимые болевые симптомы по всему телу.

Будучи опытным бойцом, Полундра отлично умел управлять своей болью. Но для этого нужно было выбрать объект концентрации внимания. Сосредоточенность на нем позволила бы отвлечься от всего, что лежит вне его пределов, в том числе и от боли.

Подходящего объекта, который сумел бы поглотить все без остатка внимание, не находилось. Старший лейтенант все еще гадал, что могло послужить причиной ранения. «Да что же такое произошло? Неужели в меня стреляли из какого-то оружия? Или же некий морской дьявол ухитрился меня ужалить?» – не без яростной злости вопрошал он.

Болевые ощущения смешивались с нарастающей тревогой. Причину нарастания тревоги Полундра объяснить не мог. То ли рана таким странным образом давала о себе знать, то ли интуиция выдавшего виды бойца отчаянно посылала сигналы о неминуемой опасности. Желудок сводило от сильной судороги, как это зачастую случается в момент повышенной тревожности.

Невидимый враг явно находился где-то совсем близко и, вероятно, уже готовился к повторному нападению. Ответить точно, так ли это, можно было лишь по истечении некоторого времени. Однако временной запас неотвратимо истощался вместе с содержимым аквалангистских баллонов. Стоило поторопиться.

Чертова рана на левом плече сильным жжением снова напомнила о себе. Пловец повернул голову направо, чтобы взглянуть на эпицентр боли. В воде к тому времени заметно потемнело. Старлей поспешил воспользоваться специальным фонарем из своей экипировки. Он направил луч фонаря на то место, где боль была максимальной. На гидрокостюме в том месте зиял большой надрез. В надрезе густела багровая слизь – кровь, которая успела насочиться из раны, но не смогла должным образом запечься из-за морской воды. Никаких новых догадок после созерцания раны Полундра, как и раньше, сформулировать не сумел.

Неожиданно над ним промелькнула темно-синяя тень. Как видно, свет фонаря сильно привлек внимание кого-то из представителей морской фауны. Становилось вполне очевидным, кто был виноват в приостановке разведывательного рейда Сергея Павлова.

Сергей резко поднял голову и увидел, что над ним, расправив крылья, кружит огромный скат. «Ну вот и дьявол соизволил объявиться, – ничуть не смутившись, подумал Полундра. – Здоровенный, гад. Размах крыльев метра два и длина не меньше пяти метров. Это мне еще подфартило, что он промахнулся с ударом».

Скат продолжал плавать в нескольких метрах над головой Полундры. «Плыви уже домой. Небось твоя самка тебя уже заждалась», – в мыслях пловец обратился к назойливой плоской рыбине. Скат явно не спешил удаляться. Павлов оценил его поведение как агрессивное выживание. Казалось, что эта морская тварь просто ждала того мига, когда человек сделает попытку покинуть свое местоположение. Такая ситуация никоим образом не устраивала старшего лейтенанта. «Сейчас мы тебе, быдло пластиножаберное, крылышки подрежем», – заметно разо-

злился Полундра и нащупал зафиксированный цепочкой на запястье нож. Данного движения оказалось достаточно, чтобы спровоцировать ската на повторную атаку.

Сергей нисколько не удивился, когда увидел, что скат стал стремительно удаляться. Он понимал, что эта огромная плоская рыба всего лишь маневрирует, пытаясь набрать необходимый разгон для нового мощного удара. Последствия такого удара могли быть весьма плачевными. Полундра хорошо знал, что с нападениями скатов иногда не справлялись даже самые опытные подводные пловцы. Ему ни за что на свете не хотелось повторить участь некоторых из них. Скаты разбивали им грудные клетки, прокалывали легкие и сердце, не гнушались нанести удар ниже пояса. Старлей настроил себя исключительно на победу. Он должен был выжить, чтобы продолжить выполнение возложенной на него задачи.

Пока скат разгонялся, боевой пловец поднялся на ноги и занял оборонительную позицию. Противник не заставил себя долго ждать. Подобный синей молнии, он быстро приближался к Полундре. Вода вокруг него бурлила, словно закипала. Тем не менее Сергей сумел весьма отчетливо рассмотреть глаза, пасть и ноздри неистовой морской твари. Увернуться от атаки не представлялось возможным. Скат наверняка бы ударил человека в грудь, а потом, подогнув под себя хвост, поразил бы острым атакующим шипом. Представив такую картину, в какую-то долю секунду Полундра решил рвануть навстречу опасности. Он оттолкнулся ногами от дна и, держа нож на изготовке, поплыл вперед. Левая рука все еще ныла от боли, но одержимость стремлением победить понемногу ее гасила. Скат оказался отличным объектом для концентрации внимания.

Когда расстояние между боевым пловцом и огромной плоской рыбой стало критически минимальным, пловец резко подался вверх. Оказавшись над скатом, Полундра улучил подходящий момент, незамедлительно сманеврировал вниз и совершил мощный удар ножом. Лезвие ножа со смещенным к острию центром тяжести легко впилося в рыбье тело. Скат по инерции продолжал движение, унося с собой пловца. Последний даже и не думал отпускать свой любимый боевой нож. Надрез в теле ската от этого движения становился все больше и больше. Почувствовав боль и тяжесть внезапного груза, скат исступленно заметался. Он попытался сбить Полундру крыльями. Боевой пловец изловчился и стал лихо увертываться от ударов. Однако для полной победы этого было крайне мало. Сергей Павлов, насколько смог ухитриться, прокрутил нож в спине морского противника. Ответная реакция последовала безотлагательно: скат принялся яростно дергать длинным бичеобразным хвостом и выбрасывать пресловутый атакующий шип. Это могло серьезным образом навредить Сергею. Но лишь в том случае, если бы он находился под брюхом ската.

Источая кровь, скат продолжал неистовствовать в предсмертной агонии. Полундра заметил, что тварь полностью утратила способность ориентироваться и мчалась прямо на подводную скалу. Пловец попробовал извлечь нож. Однако тот, зацепившись за зубрины, безнадежно застрял в хребте ската. На каждую очередную попытку выдернуть нож рыба отвечала бешеной судорогой. И когда Сергею Павлову практически удалось вернуть свое боевое оружие, скат чрезвычайно сильно вздрогнул. Нож оставил рыбью спину, но удержаться на запястье пловца не смог: он соскользнул и сорвался вниз. Полундра после этого не имел ни малейшей возможности удержаться на спине ската. Отпружинив ногами от рыбы, он подался в сторону. После опустился на дно, уменьшил яркость света фонаря и застыл в надежде, что тварь на него больше не отреагирует.

Смертельно раненный скат врезался в скалу и обмяк. Словно большую тряпку, брошенную в воду, подводным течением его уносило прочь. Завидев это, Полундра позволил себе облегченно вздохнуть: «Отплавал свое, морячок». В тот же самый момент он смекнул, что азотно-гелиевая смесь в баллонах уже на исходе. Это означало одно: попасть на территорию дворца на сей раз вряд ли получится. Пловец отважился снова включить фонарь на полную

яркость. Луч фонаря выхватил из подводного полумрака массу странных резервуаров, расположенных едва ли не по всему дну бухты.

Сергей не решился на сомнительный риск и не стал приближаться к непонятным предметам. «Если это ловушки или, упаси боже, специальные подводные мины, – рассуждал он, – то спастись никаких шансов не будет». Полундра присмотрелся более внимательно. Оказалось, что возле резервуаров кружилось множество скатов. Все они были гораздо меньше того, с которым русский боевой пловец так сноровисто расправился. «Елки-палки! Это же кормушки для скатов! – сделал для себя открытие Павлов. – Их тут нехреново прикормили, как я посмотрю. Практически вся бухта кишмя кишит этими существами. Тут черта с два прошмыгнешь. Они сразу же обратят на тебя внимание. Наверняка эти пластиножаберные твари воспринимают появление человека как покушение на их законную территорию. Отсюда и невероятная агрессия к пришельцам вроде меня. Хосе был прав – подляна в чистом виде. Что же за хитроумная королева живет в этом дворце? Такая эффективная подводная охрана. Дешево и сердито – никаких тебе видеокамер, никаких датчиков, никаких подводных сетей...»

Полундра быстро отошел от азарта схватки. Боль в левом плече опять актуализировалась. Старлей собрался с силами и поплыл назад к устричной ферме. Он, безусловно, был рад победе над внезапным противником. Однако понимание того, что поставленная боевая задача осталась невыполненной, удручало его. Хозяйка белокаменной виллы, по-прежнему недостижимая для русских наблюдателей, получала еще некоторое время для пребывания в статусе инкогнито.

11

Анна Власова позволила легкой прохладе тропической ночи проникнуть в покои своего великолепного дворца. Несмотря на упреки охраны, она распахнула несколько окон. Хозяйка наслаждалась пьянящим ароматом ночного воздуха. Где-то совсем близко не смолкали концерты цикад. До огромной луны, казалось, можно было дотянуться рукой и отломить себе кусочек на память. Впрочем, Анна Сергеевна больше ценила не лунные камни, а самые что ни на есть земные.

Естественно, что к земным камням, да и к металлам тоже, она предъявляла весьма основательные требования. Увесистость и драгоценность – вот те свойства, которые должны были сочетаться в камнях и металлах, чтобы привлечь ее самое пристальное внимание. Вероятно, именно по этой причине в здании виллы можно было практически на каждом шагу встретить вполне обыденные предметы, украшенные изумрудами, рубинами, бриллиантами, инкрустированные золотом или полностью изготовленные из него.

Подобное убранство, по мнению Анны, являлось неотъемлемым атрибутом каждого уважаемого дома. Впрочем, попасть в список подобных домов вилла «Мирабелла» открыто не могла, так как хозяйка была вынуждена соблюдать свое инкогнито. Данное обстоятельство ее несколько напрягало. За тот отрезок время, когда она успела преобразиться в никому не известную гражданку Чехии Беату Кралову, женщина изрядно истосковалась по настоящей светской жизни. Ей безумно хотелось продемонстрировать свое богатство, болтать глупости перед камерами и микрофонами модных журналистов, вызывать зависть у юных охотниц за «золотыми членами». Обо всем этом оставалось только мечтать. Любой неосторожный шаг в сторону увеличения собственной публичности был чрезвычайно опасен. Любое опрометчивое публичное действие могло повлечь за собой угрозу разоблачения. Осмотрительность являлась основной текущей периодом ее жизни в золотой клетке.

Безусловно, Анна Власова могла хорохориться и внушать себе убежденность в удачном исходе задуманного ею антироссийского плана. Но на самом деле она очень сильно боялась ответных ходов со стороны российских спецслужб. Тогда приходилось хорохориться в еще большей степени, дабы усилить собственные иллюзии. Да и вносить своим страхом сумятицу в сознание соучастников ни в коем случае не хотелось. Кто, если не она, должен был выглядеть в данном гешефте уверенно и подавать остальным необходимый пример. Именно поэтому Анна Сергеевна представляла перед своими деловыми партнерами в образе грозной невозмутимой львицы.

Возлегая на широком диване, хозяйка виллы старалась следить за картинкой на огромном телевизионном экране. Подобным образом она пыталась демонстрировать свое спокойствие перед Эрнесто Кипитильо. В полуметре от нее он сидел на тропоподобном стуле и рассказывал о новых перипетиях осуществляемого плана.

– Связь с Пьером Бокором я держу постоянно, – сообщил Эрнесто. – Не даю ему выйти из поля зрения. Контролирую его ежечасно. Я опасался, что он начнет чудить, гнуть свою линию... Однако очень быстро выяснилось, что тот, если сильно захочет, может быть вменяемым. А раз он в настоящий момент вменяем, то предсказать его действия нам не составит никакого труда. Вот так. Ничего лишнего в своих кругах он не болтает. Говорит лишь то, о чем вы его просили.

– Хочешь сказать, что чаровник справляется с оговоренной ролью? – не сводя глаз с телеэкрана, спросила Анна.

– Еще бы! Роль свою он исполняет отменно. Эти деревенщины тонтон-макуты безрассудно верят в то, что их повелитель наслал порчу на Кремль и сделал это по своей инициативе. Их уверенность нам на руку. В тех слухах, которые мощной волной прокатились по Гаити, фигурирует только колдун. А слухи здесь распространяются гораздо быстрее, чем любые сооб-

щения СМИ. Бокор, правда, на одни лишь сплетни уповать не стал и уже успел засветиться перед телекамерами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.